

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

*Руденков И. А., к.э.н., доцент кафедры теоретической и институциональной
экономики БГУ*

Становится все более очевидным, что глобальный экономический кризис является проявлением кризиса современной экономической науки, заключенной в русло так называемого «мэйнстрима». Об этом свидетельствует явная растерянность в правящих кругах Евросоюза, которые в течение последних лет не в состоянии выработать внятную концепцию политики выхода из системного кризиса, поразившего рыночную экономику в целом. Современная экономическая система и главным образом ее финансовая составляющая, являет собой воплощение неоклассических представлений (в той степени, в которой это было возможно – «научно обоснованных») о том, как должна быть устроена экономика. «Сознание, – писал В.И. Ленин, – не только отражает объективный мир, но и творит его» [1, с. 194]. Естественно, что к реализации в систему действующих институтов принимаются только те идеи и модели, которые признаны политической властью и, в силу этого, являются господствующими. Поэтому можно констатировать, что современный этап кризиса рыночного капитализма отражает кризис экономической политики, базирующейся на господствующей экономической доктрине – «мэйнстриме».

В такой ситуации весьма неопределенной выглядит позиция отечественной экономической школы: одни ее представители уже полностью окунулись «теплое течение мэйнстрим и видят причины наших экономических неурядиц только в недостаточном

развитии капитализма. Их позиция весьма проста и удобна: надо все отдать на откуп рынку и его «невидимая рука» наведет должный порядок. А если нет, так что ж с нее возьмешь? – она же невидимая. По сути, все научные рекомендации «доморощенных рыночников» и околонаучных писателей (типа Я. Романчука) сводятся к положениям «Вашингтонского консенсуса», пригодными, разве что, для решения классных задачек по макроэкономике. Другая группа экономистов, ссылаясь на специфику национальной модели, готовы подвести «научную базу» под любое решение власти. Но сегодня власть сама ставит вопросы перед экономической наукой, ответить на которые можно только основываясь на адекватной сложности стоящих проблем методологии иной, чем предлагается нам с Запада. Целью данной статьи является определение новых теоретико-методологических основ государственной экономической политики.

Причины доминирования и кризиса «мэйнстрима»

Современное состояние экономической теории, объединяемой понятием «мэйнстрим» – методологическая база, на основе которой формулируются ее постулаты, принципы, система доказательства теорем, логика умозаключений и их жесткая идеологическая направленность. Методология экономической науки в рамках «мэйнстрима» в своем развитии прошла ряд этапов, и, завершая диалектическую спираль своего развития, вернулась на позицию религиозных догматов в виде «рыночного фундаментализма», представленного набором постулатов, истинность которых, нельзя подвергать сомнению под угрозой отлучения от научного процесса. Тем не менее, их несоответствие объективным реалиям стала очевидной для тех, кого истина действительно интересует. Однако, редкие попытки критики фундаментальных принципов отвергаются как еретические воззрения и попытка свержения сложившегося капиталистического строя, который провозглашен, (без всякого на то основания),

наиболее эффективной и высшей формой экономической организации общества. Судьба еретиков постигла марксистскую политэкономия, которая фактически выброшена из научного и учебного процесса, исключена из политико-экономического оборота, «теория хозяйства», как альтернативная концепция, основанная на традициях русской философии, заблокирована в кругу своих адептов и только их, без преувеличения, героизм и самоотверженность не дают заглухнуть этому течению экономической науки. Институционализм, начавший было с молодым задором крушить главные постулаты неоклассики и кейнсианства, настойчиво и жестко возвращен в железобетонное русло «мэйнстрима».

Первые систематизированные экономические знания возникли в форме религиозных догм как бы данных нам сверху неким «высшим разумом» (хотя..., чем черт не шутит... Может так оно и есть?). Но все-таки, более вероятно, что эти знания вырабатывались самим человечеством по мере накопления опыта взаимодействия с окружающей средой на уровне чувственного и образного восприятия, т.е. эмпирически. Затем был создан метод, который позволил познавать мир путем его осмысления, т.е. идеально – это логика. Прежде всего, это формальная, или как ее принято называть - Аристотелевская логика. Она также строится на постулатах выработанных человечеством эмпирическим путем и сформулированных Аристотелем как «законы логики». Еще античные философы, будучи диалектиками, понимали ограниченность формально-логических построений в познании окружающего мира, демонстрируя это в апориях, парадоксах и антиномиях, или играя в забавную логическую игру – «софистика». При этом они всегда находили выход из формально-логических тупиков, когда исследуемое явление представляли во всем многообразии противоречивых взаимосвязей, т.е. диалектически. Но диалектическая логика, в отличие от формальной, не совсем пригодна для решения конкретных задач, т.к. не дает однозначных ответов на поставленные

практикой вопросы. Формально-логические функциональные связи легко выражаются простыми для восприятия символами, строятся в длинные цепочки умозаключений, приводящим к однозначным выводам. А раз вывод однозначен, то однозначно и принимаемое решение, это дает ощущение уверенности и правоты. Таким образом, формальная логика начинает господствовать, обеспечивая моральное превосходство тех, кто эти решения принимает. Господство, основанное на насилии, получило моральное подкрепление. Диалектическое мышление остается уделом философов, которые не хотят ни над кем господствовать, а хотят лишь познавать истину мироустройства.

Выбор методологии научного доказательства определяется целью, которую ставит перед собой исследователь. Так, меркантилисты, писавшие свои трактаты «для государей» обеспокоенных лишь тем, как сделать богаче государство, не были склонны к философии, а руководствовались в построении своих рекомендаций «государям» исключительно «здравым смыслом». Их умозаключения просты, логичны и понятны, поэтому их протекционистские идеи живут и побеждают на протяжении тысячелетий при любой авторитарной системе, когда единолично совершается выбор экономической политики. Однако трактаты меркантилистов явно проигрывали в «научности» трудам естествоиспытателей, которые научились излагать свои идеи строгим математическим языком.

Классическую политэкономия, прежде всего, интересовал процесс создания и сущность общественного богатства, которые она пытается исследовать уже на основе естественнонаучного подхода. Но, находясь еще под влиянием классической философии, различает форму и содержание, сущность и явление, выявляет существенные связи между экономическими явлениями, т.е. формулирует понятие экономического закона. Для этого требуется специфический язык, чтобы выражать абстрактные понятия, определяющие

сущность экономических явлений и их объективную взаимосвязь, которую выражают экономические законы. Поскольку реальная человеческая деятельность не укладывается в жесткие рамки формальной логики, для упрощения анализа вводится понятие «человека экономического» - весьма примитивного субъекта, асоциального типа, лишенного морали и прочих человеческих качеств, цель деятельности которого определяется единственным принципом – «максимизация индивидуальной полезности». Самое удивительное заключается в том, что такое поведение человека приобрело статус «рационального», т. е. единственно разумного. Если судить о степени рациональности поведения, основываясь на принципе максимизации индивидуальной полезности, то самым не рациональным (неразумным) живым существом на земле является *homo sapiens*. Но это не смущает наших «рыночников» (очевидно потому, что позволяет им чувствовать свое превосходство над этими «нерациональными субъектами» и дает им право учить их правильному рациональному поведению, т.е. делать их разумными. В результате экономика стала представляться как совокупность атомарных субъектов, стремящихся к максимизации своей полезности, а «невидимая рука» наводит в этом хаосе идеальный порядок. Формально-логических построений не достаточно для раскрытия сущности экономических законов, поэтому, классическая политэкономия дальше понятия «невидимой руки» рынка, которая якобы сама собой все упорядочивает, не продвинулась.

Однако, то, что нельзя понять формально логически, можно объяснить диалектически. Беда заключается в том, что выход из этого методологического тупика был предложен К. Марксом, который, выступил в защиту угнетенных классов, и применил для этого в исследовании экономических процессов диалектический метод познания. Только марксизм, взявший на вооружение диалектическую логику, сумел открыть и сформулировать объективные законы экономического развития. Это и было конечной целью исследования К. Маркса: «...открытие экономического закона движения

современного общества» [2, с. 6]. Но раскрыв закон движения общества, Маркс доказал и необходимость смены общественного строя, создав тем самым идеологическое оружие эксплуатируемых классов. Это никак не устраивало тех, кто при этом строе чувствовал себя вполне комфортно. Естественно, что реакция последовала незамедлительно, и была она представлена широким фронтом экономистов неоклассического направления. Эти ребята уже не ставили перед собой амбиционных целей познания экономических законов, их вполне устраивала более скромная задача: определение путей извлечения максимальной полезности из ограниченных ресурсов. А для этого надо научиться правильно сопоставлять затраты и результаты, т. е. – уметь считать. Для того, чтобы просто что-то измерять, диалектическая логика не нужна, зато необходим развитый математический аппарат, который строится на законах формальной логики. Поэтому, дальнейшее развитие экономической теории пошло путем построения абстрактных моделей, основанных на функциональных взаимосвязях между экономическими переменными, определяющими положение обособленных субъектов относительно друг друга. Переводя язык экономики на язык математики параллельно, а может быть и приоритетно, решалась и другая задача – создание более мощного, чем Марксизм, идеологического оружия. Об этом замечательно написал российский политолог и философ С. Г. Кара-Мурза: «Когда западного человека убедили, что он – *машина* и в то же время частичка другой огромной машины, это было важнейшим шагом к тому, чтобы превратить его в манипулируемого члена гражданского общества» [3, с. 73].

Использование математики позволяет науке, по мнению К. Маркса, достичь своего совершенства [4, с. 56]. Но этим же языком можно выражать и ложные идеи и теории, которые выглядят вполне научно и не противоречат законам логики. Широко известно высказывание великого физика Джеймса Клерка Максвелла, «так велико уважение, которое внушает наука, что самое абсурдное мнение может быть принято, если оно

изложено таким языком, который напоминает нам какую-нибудь известную научную фразу». Математика, присвоив себе статус универсального научного языка, может использоваться как оружие, усиливающее идеологическое воздействие ложных идей. Политическая экономия, возникшая, как «наука королей» также претендовала на «господство над умами», инструментом этого господства и стала формальная логика. Французский философ Мишель Фуко, который взялся за «раскопки смыслов», создавших современный Запад, утверждает определенно: «язык точности» (язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии». В этот период формальная логика достигает высшей стадии своего развития в механистической картине мира, представленной И. Ньютоном. С помощью этого нового «языка точности» правящий слой стал господствовать над мыслями и словами о самых фундаментальных категориях бытия – пространстве и времени» [3, с. 78].

Неоклассика усилила естественнонаучные притязания политической экономии. С точки зрения физики, поведение «экономического человека» можно представить, как движение атома в плоском мире, населенном элементарными частицами определяемое «законом увеличения своей собственной массы». Так как существуют и другие атомы, движущиеся по тому же закону, между ними возникает конкуренция, которая, в конце концов, приводит к общему равновесию, когда все элементарные частицы распределены между атомами в соответствие с их первоначальной массой. Такое поведение экономических субъектов легко поддается формализации и математическому моделированию. Отсюда и возникла, по меткому выражению Р. Коуза: «Экономика классной доски», где все логично и просто (если вы обладаете математическим складом ума) и помещается на плоскости, хотя и не обязательно является истиной. Если этим абстрактно-логическим построениям удастся найти статистическое подтверждение, то они наделяются статусом закона («Закон спроса»), если фактические наблюдения его

опровергают, то появляются эффекты и парадоксы («эффект Гиффена, Веблена и т. д.). Их количество растет и множится по мере усложнения моделей путем включения в них дополнительных факторов, уводящих абстрактную модель экономической системы все дальше и дальше от состояния реальной экономики. Введение в анализ дополнительных факторов, по идее, должно приближать абстрактные модели к реальности, способствовать решению конкретных проблем, на деле же – каждый дополнительный фактор, вводимый в модель для придания ей достоверности порождает все больше парадоксов и несоответствий: «парадокс бережливости», «парадокс Леонтьева», «Теория Невозможности» К. Эрроу (парадокс Алле), противоречие между целью производства – максимизация прибыли, и средством ее достижения – конкуренцией, которая ведет к фактичному уничтожению прибыли, теорема Зонненштайна-Дебре, которая ставит под сомнение и существование Парето-оптимальности – базового понятия современного мейнстрима. Дело дошло до того, что выбор более или менее подходящих объяснений экономических явлений из всего многообразия абстрактных моделей превратился в настоящую проблему, которую сформулировал Фрэнк Найт, отметив, что сложнее: «выяснить, чего делать, заведомо не следует». Пол Хейне приписывает ему следующие слова: "Самое вредное – это вовсе не невежество, а знание чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны" [5, с. 91].

Диалектический материализм, как методологическая и идеологическая основа марксизма, подвергался наиболее ожесточенной критике со стороны философов позитивистского направления, которые ставили перед собой цель – дискредитировать диалектику как метод научного познания. Они добились того, что диалектика была фактически исключена из научного оборота. Особых успехов здесь достиг «главный методолог» неоклассики К. Поппер, который в своей статье «Что такое диалектика?» «блестяще» доказал, что выводы, строящиеся на принципах диалектической логики не

четки и неоднозначны, а потому – ненаучны. При этом он использует аппарат формальной логики. Это примерно тоже, что отрицать правомерность геометрии Лобачевского, аргументируя это постулатами Эвклидовой геометрии, или опровергать законы термодинамики при помощи Ньютоновской механики.

Справедливости ради надо отметить, что отказ от диалектики, как метода познания, был характерен, не только противникам, но и записным «марксистам», посвятившим себя доказательству незыблемости принципов коммунизма. Из вновь «открытых» законов построения социалистического (коммунистического) общества диалектика исчезла как бы сама-собой, поскольку и их подвергала сомнению. А сомневаться правоверным строителям коммунизма было нельзя. Логические построения советских экономистов, пытавшихся выстроить идеальную модель коммунистического общества по изощренности, логичности и внутренней непротиворечивости ничем не уступали моделям «идеального рынка» их западных коллег, кроме одного – они слабо использовали математический аппарат. Общедоступное изложение привело к тому, что несоответствие теории и практики построения социализма стало очевидным для всех. Это и послужило моральной основой краха социалистической системы, поскольку никто не возражал против ее демонтажа – слишком была очевидной разница между идеей и реальностью. А вот сложные математические модели буржуазных экономистов, которые столь же были далеки от действительности, для большинства оставались таинственными и непонятными, и вызывали, а у некоторых «экс-марксистов» вызывает до сих пор, лишь благочестивый трепет правоверных неофитов. В результате бывшие адепты коммунистической идеологии, которые только по недоразумению, (или по относительному комфорту такого положения), называли себя марксистами, очень быстро поменяли религию и стали убежденными рыночниками.

В то же время, разразившийся системный кризис капитализма заставил наиболее продвинутых представителей западной экономической мысли подвергнуть сомнению истинность фундаментальных постулатов мейнстрима, а затем и методологию этого учения. Но именно смена методологии мышления дается наиболее трудно – «Не идеи и материальные условия, возникающие самостоятельно диалектическим образом, а взаимодействие между ними – приводит к диалектическому процессу. Единственная причина, почему я не хочу использовать слово «диалектический», заключается в чрезмерно тяжелом идеологическом багаже, который сопровождает это понятие» [6, с. 59] – пишет в своей книге «Кризис капитализма» Джордж Сорос. А это еще раз подтверждает, что идеология и методология науки связаны между собой неразрывно, как причина и следствие. Отсюда напрашивается вывод, что кризис экономической науки – это кризис идеологии рыночного фундаментализма и методологии «мейнстрима».

Необходимость смены основной парадигмы экономического мышления

При каких же условиях идеология терпит крах? Очевидно тогда, когда она перестает питать новые идеи. На глазах нашего поколения отвергнута коммунистическая идеология и находится в глубочайшем кризисе – капиталистическая. Этот кризис начался примерно в середине 20-го века, когда капиталистическая система стала заимствовать у своего антипода – социалистической системы новые формы отношений: обобществление собственности, государственное программирование, бесплатное образование и гарантированное медицинское обслуживание, социальная защита и т. д. В социалистическую систему, наоборот, стали внедрять элементы рынка (но как, сказал классик, «товарно-денежные отношения не терпят над собой никаких других отношений» [7, с. 167]) и, как следствие, социальное неравенство и коррупцию.

Центральные проблемы обеих экономических систем это: «отчуждение» и «неопределенность». Они решались в каждой системе различными способами в соответствии с господствующими идеологическими установками: государственная собственность и централизованное планирование, самоотверженный труд и «энтузиазм масс» – при социализме; частная собственность и попытки компенсировать неопределенность, присущую рынку, путем развития транзакционного сектора экономики – при капитализме. Парадокс заключается в том, что старая система – капитализм внедряла у себя новые «социалистические» институты, а более прогрессивная социалистическая система реставрировала у себя старые капиталистические формы отношений. И там и там – очевидное несоответствие идеологий и их теоретических моделей реальной практике. В результате социалистическая экономика деградировала в тисках устаревших рыночных институтов, потерпела крах из-за неэффективности реального сектора, и превратилась в отсталый придаток развитых стран. В свою очередь, отсутствие оппонента лишило капитализм источника новых идей общественного устройства, и теперь он задыхается под неимоверно разросшимся финансовым сектором.

Но, поскольку научный процесс не останавливается, генерируются ложные знания, которые воплощаются в реальных институтах. «Рыночные фундаменталисты трансформировали аксиоматическую, нейтральную по отношению к человеческим ценностям теорию в идеологию, которая оказывала и продолжает оказывать мощное и опасное влияние на поведение людей в политике и бизнесе» [7, с. 167] – отмечает Дж. Сорос. Современная финансовая система представляет собой наиболее последовательное и полное воплощение неоклассических и либеральных принципов рыночной организации экономики и «научных» представлений о том, как должна быть организована экономическая система. Деятельность субъектов на этом рынке мотивирована исключительно «самоинтересом», который может реализоваться только в

условиях асимметрии информации, поскольку других источников прибавочного продукта в финансовой системе просто не существует. Асимметричность информации порождает неопределенность финансового рынка. Однако каждый финансовый менеджер стремится снять неопределенность «для себя» и, путем получения наиболее полной и объективной информации, трансформировать неопределенность в управляемый риск. Но снижая неопределенность «для себя», каждый участник рынка, преследуя эгоистичный интерес извлечения из неопределенности прибыли, стремится установить собственную монополию на информацию и использовать ее как товар и как капитал, что только усиливает асимметрию информации и энтропию рыночной системы в целом. В результате в процессе развития финансового менеджмента произошла смена парадигмы методологии управления финансами: от субъективной оценки полезности и вероятности к попыткам сформировать «объективный рыночный подход». Но ни все более усложняющийся математический аппарат, ни новейшие информационные технологии, ни изощренные финансовые инструменты не только не способны сделать более предсказуемой ситуацию на финансовых рынках, но, наоборот, раздувая их размеры, увеличивают неопределенность. За последние десятилетия ежедневный объем сделок на мировом валютном рынке возрос с 1 млрд. до 2000 млрд. долларов, а объем торговли товарами и услугами всего на 50 %. В результате, к 2005 г. объем валютных операций в 75 раз превышал объем мирового экспорта товаров и услуг.

Оперируя пустыми, бессодержательными формально-логическими понятиями, теоретики финансовых рынков игнорируют объективные экономические законы, подменяя их законами больших чисел. Пытаясь при помощи математических вычислений «обмануть бога», как это представил в своем знаменитом исследовании развития финансового риск-менеджмента Питер Бернштейн [8], они обманывают только себя и партнеров по бизнесу. Необходимо признать, что подмена «экономических законов»

законами «больших чисел» было вынужденным, поскольку современная экономическая теория зиждется на субъективистских представлениях о стоимости, ожиданиях и т. д., а для научного предвидения и принятия конкретных решений необходимо знание объективных законов. Если же объективные законы игнорировать, то, как писал К. Маркс, они настигают нас «с неотвратимостью обрушивающего на голову дома».

Пренебрежение экономическими законами, «открытых» на основе постулатов экономического субъективизма – вполне оправдано, так как для принятия решений в реальной экономике требуется объективная основа, а не субъективные представления о том «как может быть при прочих равных условиях». Вот эту «объективность» исследователи финансовых рынков и пытаются найти в законах математических, и ... не находят. В этих поисках пали последние оплоты рыночного фундаментализма: принцип рациональности и принцип равновесия. Дело в том, что законы больших чисел применимы только для прогнозирования изменений крупных массивов однородных явлений: чем больше совершается попыток, сделок, участников рынка и т. д., тем более достоверен будет прогноз для рассматриваемой совокупности. Поэтому на финансовом рынке создается множество производных финансовых инструментов, лавинообразно растут объемы сделок, вовлекаются на рынок огромное количество новых непрофессиональных игроков. И все для того, чтобы с большей достоверностью можно было бы рассчитать волатильность основных стоимостных показателей. Но поведение отдельных субъектов не подчиняется закону больших чисел и, с этой точки зрения, оно – не рационально, поэтому математические прогнозы никак не снимают проблему неопределенности экономических систем, а математические законы не могут заменить экономические.

В 2002 г. Нобелевскую премию по экономике получил профессор Принстонского университета Д. Канеман за исследования механизмов принятия решений индивидуумом в условиях неопределенности и риска. Оказалось, что эти решения не всегда так рациональны, как предполагалось в традиционной экономической теории. Основной тезис теории перспектив Канемана-Тверски состоит в том, что *люди нерациональны при оценке вероятностей возможных альтернатив*, так как принимают решения на основании ограниченного объема информации, которая к тому же во многом недостоверна. Еще одна фундаментальная закономерность, названная Канеманом и Тверски «*эвристикой репрезентативности*», состоит в том, что люди пользуются интуитивным способом принятия решений об объектах на основании сложившихся стереотипов, пренебрегая при этом важной информацией. Кроме того, они игнорируют элементарные законы теории вероятности, предпочитая разумному риску ради прибыли – спокойствие и стабильность. Такое поведение, по мнению этих ученых, ну никак нельзя охарактеризовать, как рациональное. Хотя, по нашему мнению, все – ровно наоборот: люди поступают гораздо разумнее, чем им предписывается принципами рационального экономического поведения. Поэтому человечество еще и существует. Разумное поведение человека всегда связано с проявлением его воли, которая не соотнобразуется с экономическими законами, но стремясь к своему воспроизводству и стабильности как способу выживания как био-социального существа, он вынужден постоянно корректировать свое поведение в соответствии с этими законами, даже если не знает об их существовании. В этом и заключается объективность, абсолютность и всеобщность экономических законов. Они не имеют исключений и действуют всегда и везде, где существует общественное производство. Экономические законы, которые проявляются статистически – законами, по сути, не являются, а выражают лишь определенную связь

явлений, которая может возникнуть при «прочих равных условиях» с некоторой вероятностью.

Программа построения общей экономической теории на основе модели равновесия была существенно подорвана результатом Зонненшайна (Sonnenschein, 1973, см. также Mantel, 1974, Debreu, 1974). Из теоремы Зонненшайна следует, что без дополнительных предположений о виде функций полезности нельзя предсказать направление изменений эндогенных экономических переменных при вариации экзогенных параметров. Это означает, что в модели равновесия, претендующей на отражение реальности, функции полезности должны иметь специальный вид. Выяснить их специфику до сих пор не удается. К этому же выводу пришел и известный финансист Джордж Сорос, который в своей книге: «Кризис мирового капитализма» пишет: «Но очевидно, что попытки объяснить поведение финансовых рынков и макроэкономических событий посредством анализа равновесия нельзя считать успешными». И далее: «Равновесие – продукт аксиоматической системы. Экономическая теория строится на принципах логики и математики: она основана на некоторых постулатах, и все ее выводы также основываются на этих постулатах в результате логической манипуляции» [9, с. 15].

Все это свидетельствует о ложности исходных методологических постулатов, построенных по законам формальной логики и основанной на них системе научного доказательства. "Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрушкой, в которую играют ради нее самой, а не ради практических следствий, необходимых для понимания экономического мира. Экономисты превратили свой предмет в разновидность социальной математики, в которой аналитическая строгость – это все, а практическая обоснованность – ничего" [10, с. 84] – сказал знаменитый методолог и историк экономической мысли М. Блауг.

Подтверждением кризиса новых идей в «ведущих школах» экономической науки являются также последние «открытия» удостоенные Нобелевской премии по экономике. Так в 2009 году она была присуждена Питеру Даймонду и Дэйлу Мортенсону из США, а также Кристоферу Писсаридесу из Лондонской школы экономики. Исследования, удостоенные премии, посвящены рынку труда и отвечают на вопросы, почему такое большое количество людей находятся без работы в то время, когда на рынке существует так много вакансий, и каким образом экономическая политика может влиять на безработицу. Главным выводом, который можно сделать из работ трех лауреатов, сайт считается следующий: «более щедрые пособия по безработице приводят к росту безработицы в целом и к увеличению продолжительности времени, которое человек тратит на поиск работы». Разумеется, что этот «гениальный» вывод подтвержден весьма сложной эконометрической моделью и обширным статистическим материалом.

Поскольку автору данной статьи это открытие показалось слишком тривиальным, был проведен экспресс-опрос студентов на 4-ом курсе экономического факультета БГУ и на 2-ом исторического. В результате автор в очередной раз убедился в гениальности наших студентов – их ответы (все без исключения) на вопрос: как может повлиять размер пособия по безработице на время поиска работы? – полностью совпали с выводом нобелевских лауреатов. Причем для получения этого результата им не потребовалось проводить глубокий статистический анализ и строить математическую модель, студенты просто представили себя на месте безработных. С точки зрения «научной строгости» этот метод нельзя считать достоверным, но с точки зрения поиска истины игровое вербальное моделирование позволяет решать проблему гораздо проще и эффективнее, чем формально-логические построения. Необходимо отметить, что *формально-логические требования «стандарта строгости» уже давно играют роль идеологического фильтра, через который не могут прорваться новые нестандартные идеи на страницы ведущих*

экономических изданий. Так, типичная статья в журнале высокого уровня должна содержать, по крайней мере, одно из двух: либо теоретическое модельное обоснование основных тезисов, либо их эконометрическое тестирование на эмпирическом материале. Эта статья вряд ли вышла бы в свет, если бы автор, согласно «стандарта строгости», попытался бы обосновать тезис о том, что *в основе гипертрофированного развития финансового сектора лежит методология построения и управления финансовым рынком.* Этот вывод автор сделал на основании изучения функционирования финансовых рынков и современных методов финансового риск-менеджмента, а также, опираясь на периодически появляющуюся в аналитических статьях квази-статистику о динамике роста финансовых рынков. Безусловно, обширный статистический материал и построенная на нем эконометрическая модель придала бы этой идее «солидный научный вес», но сбор информации для получения статистической достоверности мог бы занять несколько лет, а учитывая закрытость данной сферы – задача не реальная, т.е. формально доказать ничего невозможно, но истинность этого положения неоспорима, поскольку соответствует объективным закономерностям развития экономических систем – *sapienti sat* (умному достаточно).

Здесь уместно привести цитату из выступления одного из проповедников восточной философии *Свами Вишнудевананада Гири*: «Вполне очевидно, что усложнение реальности, рост масштабов и сложности задач, стоящих перед человечеством в третьем тысячелетии неизбежно приведут (и уже привели!) к тому, что человечество оказывается перед жестким выбором: или менять мышление и переходить на более целостное, глубокое, «высокоскоростное», многовариантное, игровое видение мира, или оставаться на уровне отсталой, низкоскоростной дискретной логики, и при этом быть всегда неадекватным в оценке реальности, всегда отставать, страдать из-за этого, и, в конечном счете, оказаться на обочине эволюции. Те, кто не смогут перейти на новый уровень

мышления, увы, просто не смогут быть адекватными и отвечать на вызовы времени в сложном, многовариантном, играющем, насыщенном информационно-магическом мире третьего тысячелетия» [11].

***Нечеткая (непрерывная) логика («Fuzzy Thinking»), синкретика и системный
подход как методология Новой экономики***

Необходимость замены главной парадигмы научного мышления назрела достаточно давно и современная физика, термодинамика и, особенно, кибернетика уже взяли на вооружение новую логику и новое мышление: «нечеткую логику». Основатель теории нечётких множеств и нечёткой логики, профессор Калифорнийского университета Лотфи Аскер Заде. Свою основополагающую работу по теории нечётких множеств опубликовал в 1965, а уже в 1973 – предложил теорию нечёткой логики, позднее – теорию мягких вычислений (soft computing), а также – теорию вербальных вычислений и представлений (computing with words and perceptions). Заде, при помощи аппарата "нечеткой логики", подошел достаточно близко к построению моделей приближенных рассуждений человека и использование их в компьютерных системах. Тем самым он показал, что научное исследование сложных систем, особенно общественных, должно идти не путем упрощения объекта своего исследования для того, чтобы использовать формально-логический математический аппарат, а наоборот математический аппарат должен выражать сложные, многозначные, нечеткие понятия, которые адекватно отражают сущность исследуемых процессов и явлений. Вербальное же моделирование, «вербальные вычисления», не только не менее достоверны, чем формально-логические, но и позволяют решать и более сложные задачи, и более простым и эффективным способом.

Последователь и ученик Лотфи Заде, живой классик «нечеткой логики» Барт Коско (Bart Kosko) в своей книге «Нечеткое мышление» («Fuzzy Thinking») считает, что

два тысячелетия назад человечество крупно ошиблось. В фундамент науки нужно было заложить не сухую двоичную логику Аристотеля, а «нечеткую логику» и поэтику ранних восточных философий. И с тех самых пор классическая «черно-белая» бинарная наука, которая зажата законом «исключения третьего», все дальше и дальше отдаляется от нашего реального многозначного мира. Ведь в нем нет ничего абсолютного, а все самое интересное заключено, как раз, между «да» и «нет». В своей знаменитой теореме FAT («Fuzzy Approximation Theorem») Коско доказал, что любая математическая система может быть аппроксимирована системой, основанной на «нечеткой логике» [12, с. 63].

Более того, «нечеткая логика» все больше используется для решения прикладных экономических задач и, особенно успешно, в области исследования неопределенности и управления риском. И только фундаментальная экономическая наука по-прежнему не замечает происходящую смену методологической парадигмы. Возможно, это объясняется тем, что нечеткая логика (fuzzy logic), как метод научного мышления основывается, как и диалектическая логика, на отрицании «закона исключенного третьего». Это дает основания рассматривать ее как более современную трактовку диалектики, которую идеологи «мэйнстрима» искореняют как самую страшную ересь.

Сегодня элементы нечеткой логики можно найти в десятках промышленных изделий – от систем управления электропоездами и боевыми вертолетами до пылесосов и стиральных машин. Без применения нечеткой логики немыслимы современные ситуационные центры руководителей западных стран, где принимаются ключевые политические решения и моделируются разные кризисные ситуации. Одним из впечатляющих примеров масштабного применения нечеткой логики стало комплексное моделирование системы здравоохранения и социального обеспечения Великобритании (National Health Service – NHS), которое впервые позволило точно оценить и

оптимизировать затраты на социальные нужды. И наконец, самое широкое распространение получили изобретенные Б. Коско так называемые нечеткие когнитивные модели (Fuzzy Cognitive Maps), на которых базируется большинство современных систем динамического моделирования в области финансов, политики и бизнеса.

В отличие от стандартной логики, в которой существует лишь два бинарных состояния (1/0, Да/Нет, Истина/Ложь и т. д.), нечеткая логика позволяет определять промежуточные значения между стандартными оценками. С помощью созданного Латфи Заде и его последователями математического аппарата стало возможным сформулировать математически и впоследствии обработать их с помощью ЭВМ. Таким образом, с помощью данного математического аппарата удалось максимально приблизить механизм компьютерной обработки и анализа данных к человеческому мышлению.

Марксистская диалектика могла лишь объяснить мир и выступать в качестве «идеологического оружия», но мало была приспособлена к решению практических задач, из-за нечеткости и многозначности выводов. За это она была подвергнута жесточайшей критике и «предана анафеме» философами-позитивистами. Сегодня, благодаря открытию Л. Заде, Б. Коско и их последователей, которые научились формализовать нечеткое мышление, «нечеткий» способ мышления доказывает гораздо большую эффективность, чем формальная логика, и в решении задач управления электронных систем и в управлении финансами, и границ ее применения не видно. Лингвистические переменные, которыми оперирует нечеткая логика, выражают многозначность человеческого мышления и, поэтому ей больше соответствует методология мышления более высокого порядка, чем диалектика, а именно «синкретика». *Синкретика* по своему смыслу формулируется как многозначная философская логика. В синкретике за основу берутся не

отдельные категории, как в дискретной логике, не полярно-противоположные категории, как в диалектике, а вся совокупность категорий как целое. Такое восприятие соответствует понятию «нечеткие множества», при помощи которых получают числовое выражение «лингвистические переменные» в нечеткой логике.

Синкретика, как новая философская логика, была впервые представлена в монографии С. Г. Федосина, изданной в 2003 г. Само слово «синкретика» происходит от греческого *synkretismos* – соединение, объединение, переплетение. Если дискретную логику считать первым этапом развития логики, диалектику – вторым этапом, то синкретика представляет собой третий этап. Если сущность явления в дискретной логике усматривается только в движении какого-то одного начала, то в диалектической логике в явлении обнаруживают уже парные взаимно связанные и воздействующие друг на друга противоположности, взаимодействие которых считается источником движения и развития. В синкретной логике можно выделить следующие дополнительные особенности: все категории (стороны явлений) одновременно считаются противоположными друг другу, поэтому они заменяют дуальные противоположности, присущие диалектике. Если в диалектике источником развития являются противоречия парных противоположностей, то в синкретике развитие осуществляется путём одновременного разрешения противоречий множества противоположностей, каждое из которых может непосредственно воздействовать на все остальные. Развитие может происходить во всех направлениях – вширь и вглубь, с уменьшением размеров и соответствующим ускорением развития, с увеличением размеров и замедлением развития, во всех возможных формах и под действием разных причин. Тем самым получается новое качество или характерная черта развития: результат развития в общем случае зависит не столько от движения одного начала или от взаимодействия попарно взятых

диалектических противоположностей, сколько от взаимодействия всех категорий-противоположностей, взятых во всех возможных сочетаниях.

Принципы и основные требования синкретной логики можно свести к следующему: предмет и его развитие должны рассматриваться во взаимодействии всех противоречивых сторон, присущих предмету и его окружению, и взятых во всех мыслимых комбинациях. Так, если в диалектической логике одним из основных принципов является принцип объективности, то в синкретике добавляется не менее важный принцип субъективности. Требования формальной логики – определённость, последовательность, обоснованность и другие – остаются и в диалектике и в синкретике, но в последней они приобретают новый смысл. Например, определённость может приобрести статистический или вероятностный характер, что приводит к появлению некоторой доли неопределённости. В синкретике принцип всесторонности имеет те же права, что и принцип односторонности (основного звена), а принцип практической активности, требующий доведения результатов познания до разработки программы и организации практической деятельности, дополняется требованием внедрения практических результатов в организацию познания. Формальная логика, являющаяся по своему духу метафизической, и диалектическая логика оказываются частными случаями синкретной логики, которая в силу единства материальных и идеальных носителей действительно становится единой логикой движения и вещей, и мышления. Ее важной задачей является построение новой философии, которая должна отражать не только интересы какой-либо группы людей, но иметь общечеловеческую ценность и исходить из обоснованного научного подхода. «Это позволит высвободить гигантский человеческий потенциал, бесполезно теряемый сейчас в столкновениях противоборствующих идеологий, дать новый импульс развитию общества и явиться основой для универсального гуманитарного и естественнонаучного мировоззрения» [13, с. 8].

Современный мейнстрим, постоянно сталкиваясь с неоднозначностью и неопределенностью экономических понятий, не в состоянии выйти из порочного круга гносеологических противоречий, так как панически боится сойти с позиций метафизичной дискретной логики, поскольку следующая ступень развития методологии – диалектика. А диалектика – это основа совсем другой идеологии – в ней нет незыблемых категорий и принципов, категории не обособлены, а взаимодействуют, порождая новые более сложные категории, они имеют форму и содержание. Познавая формы надо раскрывать их содержание и сущность, выражающую тенденцию развития и перехода к новому качеству. На основе диалектических законов были сформулированы объективные законы экономического развития: *Закон стоимости, Закон пропорциональности, Закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.* Объективность этих законов заключается не только в том, что они действуют независимо от воли и сознания человека, но и в том, что они действуют всегда и везде и не имеют исключений. Когда человечество их учитывает в своей сознательной деятельности, они могут использоваться как сила созидательная, если нет – объективные законы действуют как разрушительная стихия.

Современная экономика игнорирует объективные экономические законы, как идеологически чуждые, и оперирует лишь пустыми формально-логическими понятиями, сводя их в столь же бессодержательные формулы и модели, основанные на незыблемых принципах «рыночного фундаментализма». В результате дискретная логика конвертируется в дискреционную экономическую политику. Таким образом, экономическая теория, основанная на формальной логике, в силу своей идеологической направленности отстает уже на две ступени от развития методологии научного познания.

В экономической политике государство пытается придать экономическим процессам целенаправленность путем воздействия на макроэкономические параметры методами дискреционной экономической политики, предпочитая при этом достаточно рыночное косвенное финансовое регулирование в либеральных моделях экономической политики, или административное вмешательство в экономические процессы в патерналистских моделях. Не смотря на внешнее различие этих моделей, они различаются лишь преимущественно используемыми инструментами экономической политики. По своей сущности это та же дискреционная политика, основанная на дискретной логике: бесплодные поиски *«равновесной процентной ставки»*, или *«универсального показателя»* (прогнозного или директивного).

В предисловии к книге А. Кофмана « Введение в теорию нечетких множеств» Л. Заде пишет: « В наших поисках точности мы пытались подогнать реальный мир под математические модели, которые не оставляют места нечеткости. Мы стремились выявить законы, управляющие поведением, как отдельных людей, так и групп с помощью математических выражений, подобных тем, которые используются при анализе неодушевленных систем. Это, с моей точки зрения, было и остается неправильно направленным усилием, подобным нашим давно забытым поискам «перпетуум мобиле» и философского камня» [14, с. 6]. Тем не менее, осознания необходимости перехода на новую парадигму научного мышления пока не происходит ни в рамках «мэйнстрима», ни в других смежных экономических школах. Современная экономическая теория продолжает пользоваться дискретными экономическими понятиями, такими как равновесные: цена, процентная ставка, валютный курс и т. д., пытаясь определить ту точку, в которой сойдутся все экономические параметры, и наступит всеобщая гармония и равновесие всей системы – своеобразный экономический «философский камень». Хотя

уже давно доказано, что такой точки не существует, как не существует и «философского камня».

Не смотря на это, до сих пор считается базовой теорией экономической политики концепция Яна Тинбергена. Согласно этой концепции, составляющими экономической политики являются: ключевые цели благосостояния (набор макроэкономических показателей); инструменты, которыми располагает правительство; модель, увязывающая цели и инструментарий и позволяющая определить оптимальный масштаб политических действий. Это является дополнительным свидетельством кризиса данного направления науки, поскольку «в принципе невозможно объяснить многие социально-экономические процессы исходя из подходов, которые описаны в стандартных курсах микроэкономики и макроэкономики». Соответственно, рецепты экономической политики, основанные на этой доктрине, не срабатывают даже в западных странах. В условиях рыночной неопределенности такая политика напоминает игру в бильярд с завязанными глазами, когда невозможно не только попасть в цель, но и просто попасть по шару (показателю). Это заставляет включать в анализ социальные политические и институциональные факторы, в оборот широко запускается "новая политическая экономия", все большую популярность получают поведенческие подходы, вводится понятие «неполной рациональности», призванное объяснить отклонение поведения экономических субъектов от «рационального выбора». Однако отчетливо видно, что все эти попытки не выходят за пределы "мэйнстрима", который, в свою очередь, из идеологических соображений, не может отказаться от своей методологии.

Институционалистика, как новое направление экономической теории, возникла на основе критики главных постулатов мейнстрима, но будучи не в состоянии перейти на новую методологическую базу, так и не смогла дать адекватную философскую

интерпретацию своего базового понятия – «экономического института», и осталась в рамках главного течения. С позиции же диалектики *институт* – это устойчивое, оформленное отношение сторон – носителей противоположно направленных интересов, «снятое противоречие», или – *диалектическое тождество*. Синкретика дает более широкую трактовку института, который объединяет множество сторон и интересов, т. е. имеет более сложную и многозначную структуру, что больше соответствует понятию нечеткой логики – «лингвистической переменной». Теория нечетких множеств позволяет наилучшим образом структурировать все то, что разделено не очень точными границами, взаимосвязано и взаимообусловлено. Общественные отношения, изучаемые экономической наукой, более адекватно отражаются понятиями человеческого, а не механического мышления, поэтому переход на категории соответствующие человеческим понятиям должен вывести экономическую науку из глубокого методологического кризиса. Это не означает отказа от существующих дискретных экономических понятий, наоборот – они должны занять свое соответствующее место в системе экономических категорий для определения параметров конкретных единичных сделок.

Диалектическая сущность товарообмена выражается категорией ценности, как единство противоположностей: стоимости и полезности, эффективные цены выражают состояние рынка, обеспечивающего более или менее полную реализацию товара, обеспечивающую его воспроизводство. Синкретическое понятие, соответствующее нечеткой логике – это *эффективная цена*, которая не является точкой равновесия спроса и предложения, а может быть представлена множеством цен в установленном диапазоне на числовой оси, обеспечивающем в различной степени интересы производителей и потребителей, т. е. – нечетким множеством. Данный пример ставит задачу изменения представления о равновесии в экономических системах. Дискретная точка равновесия может относиться только к единичной частной сделке, но никак не характеризует

состояние системы ни на микро, ни, тем более, – на макроуровне. Согласно неоклассическим представлениям, равновесие на рынке – это идеальный частный случай – точка, вокруг которой происходит колебание реальных рыночных цен, т.е. неравновесие – это нормальное состояние рынка и всей экономической системы, как совокупности рынков. Этот подход является ярким примером метафизического и механистического подхода к определению равновесия экономической системы. О его непродуктивности уже было сказано выше. Хорошо известно, что всякую истину можно превратить в абсурд, если распространить за пределы ее действительной применимости. Казалось, что микроэкономические факторы цен изучены настолько досконально, что любой экономист может заранее рассчитать равновесную цену товара на основе соответствующей модели, но боже вас упаси применить эту цену на практике. Остается уповать только на «невидимую руку» рынка. Для исследования равновесия экономических систем, которые являются и саморегулирующимися и управляемыми, наиболее адекватен кибернетический подход

В восьмидесятые годы в советской экономической школе стал активно внедряться «системный подход» в анализе экономических явлений. Он возник как альтернатива, погрязшему в догматизме и метафизике, ортодоксальному марксизму-ленинизму. Его сторонники рассматривали общество как кибернетическую систему, а системный подход в качестве развития диалектики как «всеобщего метода познания», одной из ее форм. Согласно данного подхода, любая система имеет свойство «гомеостата», «заключающееся в стремлении к равновесным состояниям и сохранению постоянства во времени своих параметров. Параметры, сохраняющие неизменные во времени значения, называются инвариантами. Существование инвариантов – объективное условие самоуправляемости системы» [15, с. 37]. Экономической интерпретацией инвариантов являются институты, стабильность и неизменность которых обеспечивает сохранение стабильности системы, а

отнодъ не дискретные макроэкономические показатели как представляется макроэкономистам, изображающих экономическую систему в виде пересекающихся кривых. Относительная устойчивость рыночных экономик, периодически подвергаемых шокам дискреционной экономической политики государства или стихийных действий отдельных субъектов хозяйства, определяется высокой степенью их институционализации. *Таким образом, равновесие – это нормальное состояние экономической системы, как и любой другой кибернетической системы. Оно может характеризоваться большей или меньшей степенью устойчивости, но не сводится к дискретной точке равновесия.*

Еще одно важное положение системного подхода заключается в том, что системы – это такие объекты, свойства которых не сводятся без остатка к свойствам составляющих их частей, а представляют собой качественно новые образования, отсюда следует, что механический перенос микроэкономических понятий и показателей на макро или международный уровень – неправомерно. Но именно это характерно для теории общественного выбора Дж. Бьюкенена и К. Эрроу, которая исходит из того, что *начальным и конечным пунктами общественного развития выступает индивидуум, поведением экономического человека движет эгоизм, а человек раньше становится покупателем, чем избирателем и его действиями управляет стремление к предельной полезности.* «Принцип рыночных отношений можно обнаружить и на политической сцене», считают представители этой теории. Каждый индивид рассматривает политическую систему, как коллективную защиту своих частных целей, которые не могут быть эффективно обеспечены индивидуальными рыночными действиями. При этом авторы данной концепции с удивлением для себя обнаруживают, что государство не является *«единым органичным целым, его не стоит приравнивать к механизму, который автоматически корректирует недостатки рыночного хозяйства, и оно далеко не всегда*

принимает решения, исходя из общественных интересов». Правда тут же находится объяснение данному парадоксу – оказывается, как считал Кеннет Дж. Эрроу, что дело не в методологии теории, а «дилемма состоит в том, что, допуская рациональность и индивидуальные предпочтения потребителей, мы не можем определить общественные приоритеты, т. е. общество не может сформировать коллективное мнение по поводу того, что оно хочет» [16, с. 104].

Но это не общество не может сформулировать свои приоритеты, а ученые мужи, используя методологию пригодную лишь для анализа частных сделок, пытаются объяснить закономерности функционирования общественных систем. В общественном сознании давно определились приоритеты развития в таких нечетких понятиях как: стабильность, справедливость, благополучие, перспектива развития и сохранение окружающей среды. Эти понятия несводимы к дискретным экономическим показателям: цене, процентной ставке или норме прибыли, поэтому, не воспринимаются вульгарными экономистами как экономические категории, хотя, безусловно, обладают экономической сущностью и содержанием. Все это отражается и на экономической политике, заключающейся в выборе методов воздействия на макроэкономические показатели – дискреционная экономическая политика, которая *никогда и нигде* не достигает поставленных целей. Такая политика столь же эффективна в достижении общественных целей, как и лечение болезней человека путем манипуляций с градусником.

Тем не менее, успехи развития стран с рыночной экономикой очевидны. Объяснить это можно тем, что экономические системы являются самонастраивающимися, т. е. кибернетическими. Кибернетическая система – это целеустремленная система, множество взаимосвязанных элементов которой способно воспринимать, запоминать, перерабатывать и обмениваться информацией. Любую социальную систему можно отнести к классу кибернетических систем. Такие системы обладают особыми системными свойствами.

Кибернетическую систему можно представить в виде двух взаимосвязанных подсистем: управляющей и управляемой. Подсистемы находятся в постоянном взаимодействии: управляющая подсистема передает команды, сигналы управляемому объекту, который, в свою очередь, посылает информацию о своем текущем состоянии. Важнейшим признаком кибернетической системы является обратная связь и, как следствие этого, – саморегулирование и саморазвитие.

Экономическая политика государства развитых стран с рыночной экономикой никогда не вмешивается в деятельность институциональных единиц, представляющих собой элементы (подсистемы) данной системы. Представляя собой устойчивые образования, путем обратной связи они корректируют шоки, вызываемые действиями правительства (управляющей подсистемы), однако это сопровождается ростом транзакционных издержек, которые снижают эффективность системы в целом. На современном этапе национальные экономики представляют собой подсистемы глобальной системы, процесс становления которой еще не завершен, поэтому внешние шоки снижают способность к адаптации (гомеостат) национальных экономик. Все это привело к колоссальному росту транзакционного сектора и, как следствие – разрастающийся финансовый кризис.

Совершенно очевидно, что роль государства, как управляющей подсистемы, должна существенно вырасти, но оно должно проводить осознанную политику, поскольку энтропия системы (неопределенность) снимается только информацией, действенность которой зависит от того насколько ее способны воспринимать управляемые субъекты. Естественно, что информацию о том, как надо управлять экономикой должна предоставить экономическая наука. Но вот здесь и возникает проблема. Язык, на котором изъясняются современные экономисты: это абстракции, математические формулы и модели никак не связанные с реальной действительностью и не понятные никому, кроме

их авторов. Последние политические события в Евросоюзе свидетельствуют о полной растерянности лидеров европейских стран в вопросах построения новой экономической стратегии. Но, похоже, они нашли выход, создавая так называемые «технические правительства» из специалистов, прежде всего – в области финансов. Однако, такие действия вряд ли приведут к желаемым результатам: «Если ученый не может объяснить восьмилетнему мальчику, чем он занимается, то он шарлатан» – очень точно отметил Нобелевский лауреат по литературе, писатель и философ – Курт Воннегут.

Проблема состоит не в том, чтобы перевести замысловатые формулы на человеческий язык, а в том, что общественные отношения не познаются и не выражаются формальным языком дискретной логики. Несмотря на то, что официальная экономическая наука непоколебимо зиждется на принципах мейнстрима, в деятельности институциональных единиц, образующих рыночную систему используются методологические подходы более высокого порядка. Основные методологические элементы научного аппарата, который может быть применен в теоретической экономике, уже разработаны и широко используются в прикладных исследованиях и для решения практических задач. Теперь необходимо их объединить на базе системного подхода, синкретики, теории нечетких множеств и нечеткой логики, с использованием понятийного аппарата институциональной экономики. Только на этой основе возможна выработка адекватной экономической политики, и, уже в первом приближении, мы можем сформулировать основные принципы экономической политики на новой методологической базе.

Во-первых, дискреционная экономическая политика, должна уступить место непрерывному, планомерному управлению направленному на снижение энтропии (неопределенности) и управления рисками экономической системы, т. е. институциональному планированию, которое включает в себя исследование и прогноз,

деятельность и контроль, определение параметров поведения и коррекция изменений. «Принципиальное отличие, состоит в обеспечении децентрализованных решений при установлении общих институциональных рамок. Планируются не действия экономических агентов, а соответствующие структуры, обеспечивающие этим агентам и обществу в целом снижение издержек» [17, с. 9]. Примером такой политики может служить опыт институционального строительства в рамках отдельных финансовых институтов, научных учреждений, фирм и даже регионов, где развитие осуществляется на основе институционального планирования.

Во-вторых, инструментом экономической политики государства являются институты, посредством которых снимается неопределенность (снижается энтропия), а также являются инструментом управления рисками экономических систем и снижения транзакционных издержек.

В-третьих, нельзя переносить принципы функционирования систем низшего уровня на уровень более высокого порядка. Интересы общества не являются суммой интересов индивидов, а глобальные интересы – суммой интересов отдельных стран, следовательно, для решения глобальных проблем должны быть созданы наднациональные институты управления.

В-четвертых, роль государства в формировании институциональной структуры общества и соответственно роль международных организаций на глобальном уровне – возрастает как в экономике, так и в политике.

В-пятых, экономическая политика должна формулироваться на понятном человеческом языке, поскольку политика направлена на корректировку поведения людей, которые как сознательные, разумные индивиды должны осознанно и добровольно осуществлять свой выбор. Если политика не понятна обычным людям - она не может быть эффективной, поскольку неопределенность сохраняется.

В-шестых, экономическая теория, зажатая в рамках «мэйнстрима» перестала выполнять функцию теоретической основы экономической политики и стала главным препятствием развития экономической науки и общественного прогресса в целом как идеология «рыночного фундаментализма».

Литература

1. Ленин В. И. Полн.собр. соч. Т. 29.
2. Маркс К. Капитал. Т. 1. – М., Политиздат, 1978.
3. Кара-Мурза С. Г. "Идеология и мать её наука". (Серия: Тропы практического разума.) – М.: Алгоритм, 2002.
4. Лафарг П. Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1956.
5. Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е. Ф. Борисов. – М.: Юристъ, 2000.
6. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1999.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
8. Бернштейн П. Против богов: Укрощение риска / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2000.
9. Сорос Джордж. Кризис мирового капитализма.
10. Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics // Options Politiques. 1997. Vol. 18, No 17.
11. <http://www.advayta.org/item/000001/> – Дата доступа: 18.12.2011.

12. Kosko, Bart. Fuzzy thinking / Hyperion, 1993. 5. Kosko, Bart. Neural Networks and Fuzzy Systems / Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1991.
13. Федосин С.Г. Основы синкретики. Философия носителей. – М., Эдиториал УРСС, 2003.
14. Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств: Пер. с франц. – М.: Радио и связь, 1982.
15. Журавлев А. Г. управленческий труд и эффективность общественного производства. – Мн.: Наука и техника, 1981.
16. Эрроу Кеннет Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. Пер. с англ. Ю. М. Яновская. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004.
17. Лемещенко П. С. Переходный период в контексте институционально-эволюционной теории. Минск, 2009.
18. http://e2000.kyiv.org/biblioteka/biblio/stat/crisis_ek.html#c13.
19. Заде Л. А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976.

Руденков Игорь Александрович,

БГУ, доцент, к.э.н., доцент,

Паспорт МР 0424597, выдан Ленинским ОВД г. Минска 07.12.1998,

Личн.№ 3091053A030PB6

Адрес прописки: г.Минск, ул. Денисовская, 6-212, тел. 2236026.

Rudzankov Ihar: rudigor@mail.ru, 37544-7325759.

РЕЗЮМЕ

Руденков И.А.

Теоретические основы экономической политики государства в контексте глобального экономического кризиса

Раскрывается несостоятельность экономических теорий, объединенных «мэйнстримом», как теоретической основы для выработки экономической политики адекватной сложности проблем современного этапа экономического развития. Показывается влияние господствующей идеологии на методологию науки, обосновывается необходимость ее изменения, предпосылки, направления и препятствия перехода на новую методологическую базу.

SUMMARY

Rudenkov I.A.

Theoretical foundations of economic policy in the context of the global economic crisis

Failure of economic theory that is combined by «mainstream» as a theoretical framework for economic policy, of problems with adequate complexity of the current stage of economic development are disclosed. The influence of the dominant ideology on the methodology of science is shown, need to its change, conditions, trends and obstacles to transition to a new methodological framework are substantiated.

